

По делу «Кадикис» против Латвии

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая 31 августа 2006 г. Палатой в составе:

г-на Б.М. Зупанчича,
Председателя Палаты
Суда,
г-на Дж. Хедигана,
г-на Л. Кафлиша,
г-на К. Бирсана,
г-жи А. Гюлумян,
г-на Э. Мийера,
г-жи И. Зиемеле, судей,
а также при участии г-на
В. Берже, Секретаря Секции
Суда,

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 11 апреля 2006 г. вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 62393/00), поданной против Латвийской Республики, с которой гражданин этого государства Арнис Кадикис [Arnis Kadikis] обратился в Европейский Суд 23 октября 2000 г. на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).
2. Власти Латвии были представлены Уполномоченным Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека, г-жой И. Райне.
3. Заявитель утверждал, в частности, что условия его содержания под стражей в изоляторе временного содержания государственного полицейского управления г. Лиепай в период с 28 апреля по 13 мая 2000 г. представляли собой обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции. Исходя из статьи 13 Конвенции, он также заявлял, что латвийское законодательство не предоставляет ему эффективного средства правовой защиты в отношении его жалобы на основании статьи 3 Конвенции.
4. Жалоба была передана в производство бывшей Первой Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). В рамках этой Секции была сформирована Палата для рассмотрения настоящего дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) на основании пункта 1 правила 26 Регламента Европейского Суда.
5. Решением от 25 сентября 2003 г. Палата Суда признала данную жалобу частично приемлемой.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАДИКИС ПРОТИВ ЛАТВИИ» [KADIĶIS C. LETTONIE]

(жалоба № 62393/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

4 мая 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Постановление вступило в силу 4 августа 2006 г.

6. И заявитель, и государство-ответчик заявили, что не имеют дополнительных письменных замечаний по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). 27 ноября 2003 г. заявитель изложил свои требования в порядке статьи 41 Конвенции. 15 марта 2004 г. государство-ответчик представило свои замечания в отношении данных требований.

7. 1 ноября 2004 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Европейского Суда). Настоящая жалоба была передана в производство Третьей Секции в измененном составе судей (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда).

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1953 году и в настоящее время проживает в г. Алсунге (Кульдигский район, Латвия). Во время указанных в жалобе событий заявитель проживал в г. Лиепай.

9. Постановлением, вступившим в законную силу 20 апреля 2000 г., компетентный судья суда первой инстанции г. Лиепай приговорил заявителя к пятнадцати суткам «административного ареста» [administratīvas arests] за оскорбление суда, правонарушение, не считающееся уголовно наказуемым в соответствии с нормами национального законодательства и предусматриваемое Кодексом административных правонарушений [Administratīvo pārkāpumu kodekss].

10. Во второй половине дня 28 апреля 2000 г. заявитель был арестован государственной полицией [valsts policija], на основании вышеуказанного постановления. Он сразу же был помещен в изолятор временного содержания [īslaicīgas aizturēšanas izolators] местного управления государственной полиции для отбывания наказания. Он оставался там вплоть до своего освобождения 13 мая 2000 г.

2 мая 2000 г., в знак протеста против своего заключения, заявитель объявил голодовку, которую вынужден был прекратить 6 мая 2000 г. в связи с ухудшением состояния своего здоровья.

Спор между сторонами касается условий содержания заявителя под стражей в течение указанного выше промежутка времени. Европейский Суд отдельно излагает версии событий, в изложении каждой из сторон.

От редакции. По делу заявитель утверждает, что условия его содержания под стражей в изоляторе временного содержания полицейского управления г. Лиепай в период с 28 апреля по 13 мая 2000 г. следует рассматривать в качестве обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. В своей жалобе заявитель указывает, что в латвийском законодательстве отсутствует эффективное средство правовой защиты в компетентном государственном органе в отношении причиненного ему вреда с точки зрения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд отклонил предварительные возражения государства-ответчика и счел, что латвийскими властями были допущены нарушения статей 3 и 13 Конвенции, и постановил, что государство-ответчик обязано выплатить заявителю компенсацию морального вреда,

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (примечание редакции).

А. Версия событий, в изложении государства-ответчика

11. Как утверждает государство-ответчик, изолятор временного содержания находился и продолжает находиться на первом этаже левого крыла здания местного управления государственной полиции г. Лиепай. Он состоял из четырех одинаковых камер выходящих в коридор, длиной девять и шириной два метра. Три из них были предназначены для лиц, задержанных в рамках следствия по уголовному делу, а четвертая — для лиц, подвергнутых административному аресту.

Эта камера, в которой заявитель находился с 28 апреля по 13 мая 2000 г., была размером в шесть квадратных метров. Количество помещенных в нее заключенных менялось в зависимости от количества постановлений об административном аресте, вынесенных судом первой инстанции г. Лиепай. В ней находилось, как правило, от четырех до пяти человек, но не больше. В этой связи государство-ответчик предоставило в распоряжение Суда копию журнала учета лиц, содержащихся в изоляторе, из которого следует, что 2 мая 2000 г. заявитель находился в камере еще с тремя заключенными.

12. В связи с нехваткой места, в камере не было ни столов, ни стульев, а единственным предметом мебели являлось деревянное возвышение размером 2,1 метра на 1,7 метра, которое служило заключенным общим спальным местом. Тем не менее на нем было достаточно места даже для пяти заключенных. И хотя в камеру не проникал дневной свет, искусственного освещения было достаточно, чтобы читать и писать, и свет не мешал заключенным спать. Система вентиляции была «плохой» и часто не работала ночью, но ее никогда не отключали в жаркое время. В отличие от утверждений заявителя (см. ниже, пункт 20 настоящего постановления), в камере не было сырости и протечек.

13. В камере не было санитарно-технического оборудования и заключенным приходилось пользоваться общими туалетами и умывальниками, проход в которые осуществлялся через коридор. Заключенным разрешалось пользоваться удобствами два раза в день; в 8 часов и в 16 часов, но если заключенному нужно было воспользоваться туалетом в другое время суток, ему никогда в этом не отказывали.

14. Каждый день в 13 часов заключенные получали обед из двух блюд и чашку чая с сахаром; кроме того, им выдавалась порция хлеба на весь день. Количество пищи соответствовало нормам, установленным постановлением Совета Министров Латвии. Кроме того, два раза в день, когда заключенных выводили из камеры для утреннего и вечернего туалета, они имели возможность воспользоваться электрическим титаном, расположенным в коридоре.

15. 4 мая 2000 г. супруге заявителя было разрешено передать ему одежду (рубашку, свитер, куртку, брюки и носки), а также предметы личной гигиены (туалетную бумагу, гигиенический крем, зубную щетку и зубную пасту). Не считая данного случая, никто из заключенных не обращался в полицию с подобной просьбой. Заключенным не разрешалось передавать продукты питания.

16. Как утверждает государство-ответчик, в день своего ареста, то есть 28 апреля 2000 г., заявителю было разрешено позвонить жене и адвокату. Данный факт отмечен в рапорте, представленном одним из полицейских начальнику управления государственной полиции г. Лиепай, копия которого прилагается. И действительно, в соответствии с правилами внутреннего распорядка изоляторов временного содержания, находящихся в ведении государственной полиции (см. ниже, пункт 27 настоящего постановления), заявитель имел право общаться со своим адвокатом, но не воспользовался этим правом. В этой связи государство-ответчик предоставило копию письма заместителя начальника полиции г. Лиепай, в котором, в частности, говорится:

«<...> Во время нахождения А. Кадикиса в изоляторе от него не поступало никаких просьб о встрече с адвокатом, и к нему не приходил ни один адвокат. <...>

<...> 28 апреля 2000 г. А. Кадикис позвонил своему адвокату [г-ну Р.] <...>, но о встрече с ним не договорился <...>».

17. У заявителя было также право на медицинскую помощь. Из документов, представленных государством-ответчиком, следует, что 2 мая 2000 г. заявитель объявил голодовку в знак протеста против своего заключения и что начальник управления полиции немедленно распорядился установить над ним медицинское наблюдение. В качестве подтверждения государство-ответчик предоставило копию служебной записки, направленной им в тот же день, то есть 2 мая 2000 г., одному из подчиненных с указанием «вызывать врача каждый день для проверки состояния здоровья» заявителя. В последующем, государство-ответчик предоставило также написанную от руки записку, датированную 5 мая 2000 г. и подписанную капралом полиции, из которой видно, что заявитель не соблюдал якобы объявленную им голодовку. В записке уточняется, что «эта информация была получена от сокамерников (данного лица) и от надзирателей». Государство-ответчик также присовокупляет к этому копии двух писем от 7 апреля 2004 г.: одно от заместителя начальника управления полиции, в котором повторяется сказанное выше, а второе — за подписью одного из сокамерников заявителя, в котором говорится, что во время их содержания под стражей «никто не отказывался от приема пищи» и «никто не жаловался на состояние здоровья».

18. В распоряжении заявителя была ручка и бумага, и он мог посылать письма и жалобы. В этой связи государство-ответчик напоминает, что его заявление об объявлении голодовки и письмо о сроках содержания под стражей, были составлены в письменном виде. Кроме того, он смог отправить письмо в местную газету, которое было в ней опубликовано 3 мая 2000 г.

И, наконец, государство-ответчик оспаривает утверждение заявителя о том, что его адвокат якобы направил 4 мая 2000 г. жалобу в Национальное бюро по правам человека [Valsts cilvēktiesību birojs] (см. ниже, пункт 24 настоящего постановления). На самом же деле, в указанный период Бюро не получало никаких писем и иных сообщений от заявителя или его адвоката.

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы

(Окончание в следующем номере)

(окончание, начало см. в 12 номере журнала, 2007 г.)

В. Версия событий, в изложении заявителя

19. Заявитель утверждает, что описание условий его содержания под стражей, данное государством-ответчиком, является частично верным, но полагает, что одни лишь факты, признанные государством-ответчиком, достаточны для доказательства обращения, противоречащего требованиям статьи 3 Конвенции.
20. Так, камера, в которой он находился с 28 апреля по 13 мая 2000 г., действительно была размером в 6 квадратных метров. Более половины этого пространства, то есть примерно 3,5 квадратных метра, занимал спальный помост высотой примерно 20 сантиметра, поэтому оставалось только 2,5 квадратных метра свободного пространства. При этом, как признаёт государство-ответчик, в камере часто находилось от четырех до пяти заключенных. Камера плохо проветривалась (вентилятор часто был отключен), освещение было скудным и обеспечивалось единственным ночником, расположенным в углублении над дверью, который горел круглые сутки.
- Прогулок не было, поскольку для этого не было специально оборудованного пространства. Следовательно, в течение всех 15 дней содержания под стражей заявитель был лишен дневного света и свежего воздуха. Более того, он утверждает, что страдал от жары и сырости, так как из стен камеры сочилась вода.
21. На спальном помосте не было постельных принадлежностей, даже матрасов и одеял, и заключенным приходилось спать, не снимая своей одежды, на голых досках. В том, что касается умывальников и туалетов, то заявитель признаёт, что ему было разрешено пользоваться ими три раза в день (а не два, как утверждает государство-ответчик). При этом заявитель оспаривает утверждение государства-ответчика, что надзиратели разрешали ему пользоваться туалетом и умывальником вне отведенного для этого времени. Более того, в случае необходимости, и он сам и его сокамерники часто были вынуждены использовать бутылку или пластмассовую миску для отправления естественных потребностей.
- Заявитель утверждает, что полицейские только один раз разрешили его близким передать ему туалетные принадлежности и одежду, и что во всех последующих про-

сбах такого рода им было отказано.

22. Заявитель признаёт, что 2 мая 2000 г. начал голодовку в знак протеста против незаконного содержания под стражей, но решительно отрицает утверждение государства-ответчика о том, что в его отношении осуществлялось медицинское наблюдение. Он считает, что записка начальника государственной полиции г. Лиепай (см. выше, пункт 17 настоящего постановления) является фальшивкой, составленной задним числом. При этом даже если предположить, что записка действительно была, заявитель утверждает, что распоряжение так и не было исполнено, потому что никакого регулярного медицинского наблюдения за ним не осуществлялось. В качестве доказательства своих слов заявитель предоставил в распоряжение Европейского Суда оригинал письма, направленного 25 декабря 2003 г. нынешним начальником государственной полиции г. Лиепай, в котором, в частности, говорится:

«В ответ на ваш повторный запрос сообщаем, что, учитывая состояние вашего здоровья, бывший заместитель начальника <...> приказал начальнику изолятора [S.G.] вызывать в случае необходимости медицинский персонал для наблюдения за состоянием вашего здоровья. Поскольку во время вашего содержания под стражей <...> вы никогда не жаловались на здоровье, вам не оказывалась медицинская помощь, а, следовательно, мы не располагаем документами, подтверждающими, что вы находились под медицинским наблюдением».

Во всяком случае, 6 мая 2000 г. заявитель был, в конечном счете, вынужден прервать голодовку в связи с серьезным ухудшением состояния своего здоровья.

23. Заявитель не отрицает, что сразу после ареста ему было разрешено позвонить жене и адвокату. Так, по словам заявителя, 30 апреля 2000 г. его адвокат приехал в Лиепай для встречи с ним. В полиции адвокату разъяснили, что свидания лица, уже осужденного к административному аресту, со своим адвокатом запрещены, и что это право имеют только лица, задержанные в рамках уголовного расследования, а также лица, в отношении которых производятся процессуальные действия в связи с производством по делу об административном правонарушении. В качестве доказательства безуспешной попытки адвоката

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАДИКИС ПРОТИВ ЛАТВИИ»

[KADIĶIS C. LETTONIE]

(жалоба № 62393/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

4 мая 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

**Постановление вступило в силу
4 августа 2006 г.**

От редакции. По делу заявитель утверждает, что условия его содержания под стражей в изоляторе временного содержания полицейского управления г. Лиепай в период с 28 апреля по 13 мая 2000 г. следует рассматривать в качестве обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. В своей жалобе заявитель указывает, что в латвийском законодательстве отсутствует эффективное средство правовой защиты в компетентном государственном органе в отношении причиненного ему вреда с точки зрения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд отклонил предварительные возражения государства-ответчика и счел, что латвийскими властями были допущены нарушения статей 3 и 13 Конвенции, и постановил, что государство-ответчик обязано выплатить заявителю компенсацию морального вреда,

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (примечание редакции).

добиться с ним встречи, заявитель предоставил в распоряжение Европейского Суда копию статьи, опубликованной в местной газете, в которой как раз шла речь о вышеупомянутом отказе.

24. Заявитель также утверждает, что, несмотря на его неоднократные просьбы, охранники изолятора отказывались предоставить в его распоряжение ручку и бумагу для составления жалобы.

4 мая 2000 г. адвокат заявителя направил жалобу в Национальное бюро по правам человека, в которой, в частности, указывалось на унижающие человеческое достоинство условия содержания его клиента под стражей. Никакого ответа на жалобу так и не было получено.

II. ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ ПОЛОЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. Положения о применении административного ареста и исполнении данного вида наказания

25. В период указанных событий соответствующие положения Кодекса административных правонарушений предусматривали следующее:

Статья 297

«Вопросы, связанные с исполнением решения [приговора] о применении административного наказания, решаются органом власти, который принял данное решение.

Надзор за правильным и оперативным исполнением решения [приговора] об административном наказании возложен на орган власти, который принял данное решение».

Статья 317

«Постановление [приговор] в отношении административного ареста подлежит исполнению немедленно после его вынесения».

Статья 318

«Лица, приговоренные к административному аресту, помещаются в места лишения свободы, указанные органами полиции. В ходе исполнения постановления [приговора] об административном аресте производится личный досмотр заключенного.

Срок административного задержания включает в себя срок административного ареста.

Административный арест осуществляется в соответствии с условиями, установленными законодательством».

26. Однако не существует ни одного законодательного или нормативного акта, который определял бы условия исполнения наказания в виде административного ареста. Кодекс исполнения наказаний [*Sodu izpildes kodekss*] содержит подробные положения, касающиеся наказаний в виде лишения свободы, которые предусмотрены уголовным кодексом [*Kriminallikums*], но вышеуказанные положения не могут применяться к наказанию в виде административного ареста, которое не входит в область уголовного права с точки зрения национального законодательства.

27. Поэтому единственным документом, определяющим условия исполнения данного вида наказания, а также права и обязанности заключенных, являются правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания, входящих в систему государственной полиции [*Valsts policijas iestazu islaicigas aizturesanas izolatora nolikums*], и утвержденные необнародованным приказом Министра внутренних дел. Вот соответствующие положения данных правил:

Статья 1-3

«Изолятором временного содержания <...> называется специально оборудованное помещение [расположенное] внутри полицейского учреждения, где содержатся следующие лица:

<...>

1-3-5 <...> лица, приговоренные к административному аресту».

Статья 1-5

«Лица, подвергнутые административному аресту, должны содержаться в изоляторе временного содержания в течение всего срока их содержания под стражей <...>

Статья 3-7

«В камерах должны иметься отдельные нары или кровати <...> Некоторые камеры могут быть оборудованы общими спальными местами. В соответствии с правилами внутреннего распорядка учреждения, каждому заключенному предоставляется матрас и одеяло».

Статья 4-1

«<...> Персонал изоляторов временного содержания должен обращаться с заключенными справедливо и гуманно, не позволяя никому совершать незаконные действия в отношении заключенных, терроризировать их, унижать их человеческое достоинство, а также совершать любые другие антигуманные действия».

Статья 6-5

«В соответствии с правилами внутреннего распорядка, [заключенным] предоставляется матрас и одеяло. Им не предоставляется ни постельное белье, ни настольные игры. Лица, подвергнутые административному аресту, <...> лишены права на получение передач, содержащих продукты питания, за исключением диетических продуктов в соответствии с медицинскими показаниями и с разрешения начальника полицейского учреждения <...>»

Статья 6-6

«Питание заключенных осуществляется в соответствии с нормами, установленными приказом Министра внутренних дел».

Статья 6-8

«Предметы гигиены и лекарства, разрешенные медицинским персоналом, выдаются [заключенным] во время утреннего и вечернего туалета, а также в иных случаях».

Статья 7-1

«Лица, помещенные в изолятор временного содержания, имеют право:

<...>

7-1-6) в соответствии с процедурой, установленной полицейским учреждением, встречаться с адвокатом без присутствия посторонних лиц и без ограничения продолжительности и частоты вышеуказанных встреч;

7-1-7) направлять письменные запросы и жалобы в государственные учреждения, органы местной власти и международные учреждения;

<...>

7-1-9) носить соответствующую времени года одежду, а также пользоваться личными вещами, которые разрешены в камере <...>;

7-1-10) бесплатно получать срочную медицинскую помощь;

<...>».

Статья 8-1

«Лица, помещенные в изолятор временного содержания, должны передавать письменные жалобы и письма персоналу изолятора <...>».

Статья 8-2

«Персонал <...> передает полученные от заключенных жалобы и заявления начальнику [соответствующего] полицейского учреждения, который принимает решение либо об их регистрации в секретариате учреждения <...> с целью дальнейшего рассмотрения, либо об их направлении адресату».

Статья 8-4

«Только заявления и жалобы, касающиеся расследования дела <...> [об административном правонарушении], а также защиты прав и интересов заключенных, направляются в компетентные органы, прокурору или суд <...>».

Статья 9-3

«[Заключенные] могут получать <...> от родственников предметы личной гигиены. <...>

9-3-1) Предметы личной гигиены [заключенных] хранятся в шкафах, расположенных внутри камеры, либо на специальных полках и выдаются им во время утреннего и вечернего туалета;

<...>».

В. Положения, касающиеся действий полиции и способов их обжалования

28. Во время событий, о которых упоминает заявитель, соответствующие положения Закона «О полиции» от 4 июня 1991 г. предусматривали:

Статья 5, четвертый и пятый абзацы

«<...> Действия полиции должны обеспечивать соблюдение прав и свобод граждан. Ограничение вышеуказанных прав и свобод разрешается только на законных основаниях и в соответствии с условиями, определенными законом. Всякий раз, когда сотрудник полиции ограничивает права и свободы граждан, он обязан разъяснять им причины своих действий в отношении каждого конкретного ограничения. <...>

Полиция предоставляет лицам, которые были арестованы и подвергнуты временному заключению, возможность воспользоваться своим правом на судебную помощь. По требованию вышеуказанных лиц, о месте их содержания под стражей немедленно сообщается их семьям, по месту работы или в школьное учреждение. Полиция обеспечивает охрану здоровья лиц, подвергнутых аресту и временному заключению, и принимает срочные меры для оказания им медицинской помощи <...>».

Статья 27, второй и шестой абзацы

«Сотрудник полиции несет ответственность за незаконные действия в соответствии с законом и служебными инструкциями. Если сотрудник полиции нарушил права граждан или ущемил их законные интересы, [соответствующее] учреждение полиции обязано принять меры для восстановления вышеуказанных прав и заглаживания причиненного вреда.

Сотрудник полиции не имеет права совершать или принимать участие в совершении любых действий, связанных с пытками, а также бесчеловечным и негуманным обращением. Ни один сотрудник полиции не может ссылаться на приказ вышестоящего должностного лица в качестве оправдания пыток, а также бесчеловечного и негуманного обращения.

<...>

Жалобы на действия сотрудника полиции рассматриваются начальником отделения (подразделения) полиции, которому непосредственно подчинен [вышеуказанный] сотрудник. Если заявитель не удовлетворен принятым решением, он может обжаловать его в вышестоящем учреждении полиции, в прокуратуре или суде».

Статья 39

«Надзор за соблюдением законодательства в отношении полиции возложен на Генерального прокурора Латвийской Республики и подчиненных ему прокуроров».

29. Вот относящиеся к делу положения о прокуратуре, содержащиеся в Законе от 19 мая 1994 г.:

Части 3 и 4 статьи 6

«3. Действия прокуроров могут быть обжалованы в соответствии с положениями настоящего Закона и процессуальными законами. Если дело касается исключительной компетенции прокуратуры, жалобы направляются главному прокурору [*virsprokurors*] вышестоящей прокуратуры [по отношению к прокуратуре принявшей обжалуемое решение]; действия прокурора Генеральной прокуратуры могут быть обжалованы Генеральному прокурору. Решения, принятые этими [вышестоящими прокурорами] являются окончательными и не подлежат обжалованию.

4. Вышестоящий прокурор наделен правом рассматривать любые дела [находящиеся в производстве] у нижестоящего прокурора, но не имеет права приказывать прокурору совершать действия идущие вразрез с его совестью <...>».

Статья 9

«1. Законные распоряжения прокурора обязательны для всех лиц на территории Латвийской Республики.

2. Лица, отказывающиеся выполнять законные распоряжения прокурора, несут ответственность перед законом».

Статья 15

«1. В соответствии с положениями закона, прокурор осуществляет надзор за исполнением наказаний в виде лишения свободы, вынесенных судами, а также за местами, где содержатся арестованные, задержанные и лица, подвергнутые временному заключению <...>».

2. Прокурор имеет право и обязан немедленно принимать решение об освобождении из-под стражи лиц незаконно находящихся в местах заключения или [учреждениях], режим которых подразумевает ограничение свободы.

3. Протест [*protests*] прокурора в отношении незаконного характера наказания, примененного к лицу, содержащемуся в местах заключения, влечет временное прекращение исполнения [наказания] вплоть до рассмотрения протеста».

Части 1 и 3 статьи 16

«1. Получив информацию о нарушении закона, прокурор проводит расследование в соответствии с условиями, определенными законом, если:

<...>

2) были нарушены права и законные интересы юридически недееспособных лиц, лиц с ограниченной дееспособностью, инвалидов, несовершеннолетних, заключенных, а также иных лиц с ограниченной способностью защищать свои права.

<...>

3. Прокурор также проводит расследование жалобы, поступившей от лица, которое сообщает о нарушении его прав или законных интересов, если вышеуказанная жалоба уже была рассмотрена компетентных государственным органом и [данному лицу] было отказано в исправлении нарушения указанного в жалобе, либо если заявитель не получил никакого ответа в предусмотренные законом сроки. Подобные жалобы направляются в прокуратуру в письменном виде <...>».

Статья 17

«1. При рассмотрении жалобы прокурор, в соответствии с законом, имеет право:

1) требовать предоставления и получать от органов государственной власти нормативные акты, документы и иную информацию <...>, а также получать свободный доступ в помещения вышеуказанных органов государственной власти;

2) давать руководителям учреждений <...> и прочим ответственным лицам указания о проведении проверок, аудитов и экспертиз, а также давать заключения и предоставлять помощь специалистов <...>;

3) вызывать лицо для дачи объяснений о нарушении закона. <...>

2. Обнаружив нарушение закона и в зависимости от характера выявленного нарушения, прокурор обязан:

1) сделать предупреждение о прекращении нарушения закона;

2) подать протест [*protests*] или заявление о необходимости положить конец нарушению закона;

3) подать иск в суд;

4) начать уголовное расследование;

5) предложить принять административные или дисциплинарные меры».

Статья 20

«1. В случае необходимости положить конец незаконным действиям, устранить последствия подобных действий либо воспрепятствовать нарушению закона, прокурор направляет письменное предписание <...> в соответствующий орган <...> государственной власти.

2. Прокурор устанавливает срок в течение которого требования, изложенные в предписании, должны быть выполнены, учитывая при этом характер выявленного нарушения и время, необходимое для его исправления.

3. В случае невыполнения требований, изложенных в предписании, или отсутствия ответа, прокурор имеет право обратиться в суд или любой другой компетентный орган для привлечения соответствующего лица к ответственности в соответствии с законом».

30. Кроме того, Закон от 27 октября 1994 г. «О рассмотрении заявлений, жалоб и предложений органами государственной власти и местного самоуправления» [*iesniegumu sudzibu un priekšlikumu izkatsans kartiba valsts un pasvaldību institūcijas*] гарантирует каждому человеку право на получение обоснованного ответа на обращение в соответствующий орган государственной власти (статья 1). Закон определяет работу с обращениями частных лиц в органы государственной власти и устанавливает срок ответа на них. Срок составляет, как правило, 15 дней, но может быть продлен до 30 дней и более, если поднятые в обращениях вопросы требуют проведения расследования или сбора дополнительной информации, при этом заявитель должен быть в обязательном порядке проинформирован об этом (статья 8 пункт 1).

III. ВТОРОЙ ОБЩИЙ ДОКЛАД ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО И НЕГУМАННОГО ОБРАЩЕНИЯ

31. Относящиеся к делу разделы Второго общего доклада Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного и негуманного обращения (ЕКПП), СРТ/Inf (92) 3), который был опубликован 13 апреля 1992 г., гласят:

«а. Заключение в полицейских изоляторах

36. ЕКПП придает особое значение соблюдению трех прав лиц, находящихся под стражей в полицейских изоляторах: право лица на сообщение о своем заключении третьему лицу по своему выбору (родственнику, другу, в консульство); право на помощь адвоката; право на получение медицинской помощи врачом по своему выбору (помимо любых обследований со стороны врачей, вызванных органами полиции). С точки зрения ЕКПП, три указанных выше права являются основными гарантиями против плохого обращения с заключенными и должны соблюдаться с самого начала периода лишения свободы вне зависимости от определения, которое дается этому понятию в соответствующей правовой системе («задержание», арест и т.д.).

<...>

41. Кроме того, существование независимого механизма рассмотрения жалоб в отношении обращения с заключенными в полицейском изоляторе является основной гарантией.

42. Заключение под стражу в полицейском изоляторе является относительно непродолжительным, поэтому материальные условия содержания в них хуже, чем в местах заключения, где осужденные отбывают более длительные сроки. Тем не менее, данные учреждения должны обеспечивать некоторое количество элементарных материальных условий отбывания наказания.

Так, размеры всех камер полицейских изоляторов должны в разумных пределах соответствовать количеству заключенных, на которых они рассчитаны, и иметь освещение (достаточное для чтения, за исключением периода сна). Они должны быть оборудованы соответствующей вентиляцией и, что желательно, иметь естественное освещение. Кроме того, камеры должны быть оборудованы таким образом, чтобы заключенные могли отдыхать (стационарное место для отдыха или лежак), а лица, вынужденные проводить ночь в заключении, должны иметь чистые матрас и одеяло.

Лица, заключенные в полицейские изоляторы, должны иметь возможность отправлять свои естественные потребности в гигиенически нормальных и пристойных условиях и иметь нормальные возможности для соблюдения личной гигиены. Заключенным должно предоставляться питание в урочное время, включая полноценный обед не менее одного раза в день (то есть что-то более сытное, чем просто бутерброд).

43. Достаточно трудно определить, что следует называть разумными размерами камеры в полицейском изоляторе (либо ином помещении, предназначенном для заключенных). Данное определение подразумевает учет многочисленных факторов, но делегации ЕКПП ощутили потребность в разработке определенного набора критериев оценки. Так, с этой целью в настоящее время используется следующий критерий (который следует понимать не как минимальную площадь, а в качестве пожелания). Так, индивидуальные камеры полицейских изоляторов, где заключенные содержатся в течение более нескольких часов, должны иметь площадь примерно 7 квадратных метров, расстояние между стенами 2 и более метра и иметь 2,5 квадратных метра в высоту».

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

А. Доводы сторон по делу

1. Доводы государства-ответчика

32. Государство-ответчик выдвигает возражение о неприемлемости данной жалобы в связи с неисчерпанием заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Так, заявитель якобы не подавал ни заявления, ни жалобы относительно условий своего содержания под стражей вообще и, в частности, относительно невозможности свидания с адвокатом.

Государство-ответчик напоминает, что эффективность обращения не обязательно предполагает, что оно подается в суд и что не существует стопроцентной гарантии успеха. И в самом деле, латвийское законодательство предусматривает несколько эффективных процессуальных способов обжалования, которые позволяют обжаловать условия административного ареста, но не были использованы заявителем.

33. Государство-ответчик, прежде всего, напоминает, что Закон «О рассмотрении органами государственной власти и местного самоуправления заявлений, жалоб и предложений», обязывает любой орган государственной власти рассматривать заявления и жалобы частных лиц и давать на них обоснованный ответ в установленные сроки. Из этого следует, что, если заявитель не был удовлетворен условиями своего содержания под стражей, он мог направить жалобу начальнику управления полиции, где он содержался под стражей, который должен был либо рассмотреть ее лично, либо передать ее в иной орган государственной власти (статья 8-2 правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания).

Государство-ответчик особо подчеркивает оперативность, с которой начальник учреждения реагировал на обращения заявителя. Так, 2 мая 2000 г. заявитель объявил голодовку и тот же день вышел приказ о его помещении под медицинское наблюдение. Точно также, 3 мая 2000 г. заявитель потребовал уточнить формальный *dies a quo*¹ своего содержания под стражей, и начальник управления в тот же день дал ему письменный ответ. Все наверняка обстояло бы точно также в случае подачи заявителем жалобы на условия содержания под стражей.

34. Если заявитель был неудовлетворен полученным ответом или мерами, принятыми начальником учреждения, у него была возможность обжаловать их в прокуратуру г. Лиепай, которая осуществляет надзор за законностью действий полиции (статья 39 Закона «О полиции») и за исполнением наказаний, связанных с лишением свободы (пункт 1 статьи 15 Закона «О прокуратуре»). Закон «О прокуратуре» действительно предоставляет в распоряжение прокуроров целый набор юридических мер, способных удовлетворить требования заявителя: прокурор уполномочен проводить расследования (статья 16 и пункт 1 статьи 17 Закона), делать предупреждения и выдвигать требования обязательные для исполнения, назначать уголовное расследование, а также обращаться с иском в суд (часть 2 статьи 17 и статья 2 Закона). Кроме того, обязательный характер требований прокурора подкрепляется угрозой принятия административных и уголовных санкций в отношении любого лица, которое им не подчиняется (в том числе и в отношении сотрудников полиции).

2. Доводы заявителя

35. Как утверждает заявитель, его нельзя упрекнуть в неисчерпании всех внутригосударственных средств правовой защиты. Во-первых, он напоминает, что, несмотря на ограничение свободы переписки, ему удалось передать на свободу письмо, в котором он разоблачал плохие условия своего содержания в изоляторе, и которое было опубликовано 3 мая 2000 г. в местной газете. Сотрудники газеты немедленно связались с начальником управления государственной полиции г. Лиепай. Последний согласился дать им интервью, которое и было опубликовано в газете 5 мая 2000 г. По словам начальника управления, он полностью признавал наличие проблем, связанных с теснотой в помещениях изолятора временного содержания и даже направил соответствующий рапорт председателю суда первой инстанции г. Лиепай.

Заявитель подчеркивает, что, зная о состоянии изолятора временного содержания при подчиненном ему управлении, начальник управления не принял никаких мер для исправления положения. В этих обстоятельствах, отдельная жалоба, адресованная данному должностному лицу, не принесла бы никаких результатов.

36. Во-вторых, заявитель утверждает, что во время его содержания под стражей он постоянно пытался найти возможности для исправления положения, даже действуя окольными путями. Но это оказалось невозможным в условиях его изоляции от внешнего мира и отсутствия информации. Кроме того, учитывая реакцию начальника управления полиции, заявитель сильно сомневается, что жалоба, направленная в другой государственный орган, принесла бы ожидаемый результат.

Кроме того, заявитель напоминает, что ему действительно удалось передать на свободу письмо, в котором он описывал условия своего содержания под стражей, и которое было опубликовано 3 мая 2000 г. в местной газете, то есть в то время, когда он еще находился под стражей. Как утверждает заявитель, сотрудники прокуратуры обязательно должны были ознакомиться с этим письмом, поскольку они обязаны реагировать на информацию, опубликованную в прессе и касающуюся нарушений закона. Тем не менее, с их стороны не последовало никакой реакции.

37. В-третьих, заявитель утверждает, что в нарушение положений правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания сотрудники полиции так и не передали ему текст этих самых правил и, таким образом, он находился в неведении относительно своих прав.

И, наконец, в отношении своего права на встречи с адвокатом, заявитель напоминает, что адвокат не был к нему допущен, и никто не объяснил ему, как он должен был действовать в подобной ситуации. Ему также не передавали письменные ответы на его запросы из прокуратуры, вместо чего сотрудники полиции просто устно информировали его об их содержании.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

38. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 35 Конвенции, в котором говорится об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, имеет целью дать Договаривающимся Государствам возможность для предупреждения или исправления выдвигаемых против них обвинений в нарушениях до их рассмотрения Судом (см. среди прочих постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции»

¹ Dies a quo (лат.) — начальный момент срока (примечание редакции).

[*Selmouni c. France*], жалоба № 25803/94, § 74, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-V). Правило, установленное частью 1 статьи 35 Конвенции, основывается на предположении, сделанном в статье 13, с которой она тесно переплетается. Предполагается, что имеются эффективные средства правовой защиты в отношении заявленных нарушений (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła c. Pologne*], жалоба № 30210/96, § 152, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2000-XI). Следуя той же логике, пункт 1 статьи 35 Конвенции требует исчерпания только доступных, эффективных и адекватных средств правовой защиты, то есть реально существующих теоретически и практически и дающих возможность исправить заявленное нарушение (см. например постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» [*Aksoy c. Turquie*] от 18 декабря 1996 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-VI, стр. 2275—2276, §§ 51—52).

39. По этому поводу государство-ответчик утверждает, что заявитель не исчерпал все эффективные средства правовой защиты, предусмотренные латвийским законодательством, а то время как сам заявитель как раз и жалуется на отсутствие в латвийском законодательстве эффективных средств правовой защиты. В этих условиях Европейский Суд полагает, что предварительное возражение государства-ответчика настолько тесно связано с сутью жалобы заявителя на основании статьи 13 Конвенции, что оно касается существа дела (см. постановление Европейского Суда по делу «Геннадий Науменко против Украины» [*Gennadi Naoumenko c. Ukraine*], жалоба № 42023/98, § 101, 10 февраля 2004 г.)

II. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

40. В своей жалобе заявитель утверждает, что условия его содержания под стражей в изоляторе временного содержания полицейского управления г. Лиепай в период с 28 апреля по 13 мая 2000 г. следует рассматривать в качестве обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Вот относящаяся к делу выдержка из данной статьи:

«Никто не должен подвергаться <...> бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон по делу

1. Доводы государства-ответчика

41. Государство-ответчик допускает, что условия содержания заявителя под стражей «не были идеальными», но при этом утверждает, что «в рамках имеющихся средств» управление государственной полиции г. Лиепай предприняло значительные усилия для улучшения условий содержания заключенных. В этой связи государство-ответчик приводит несколько конкретных примеров, как то: камера, в которой находился ответчик, содержалась в чистоте, там был проведен ремонт, заявитель каждый день получал обед из двух блюд, он имел возможность пользоваться питьевой водой во время утреннего и вечернего туалета, ему было разрешено пользоваться туалетом вне отведенного для этого времени. Управление полиции г. Лиепай обеспечивало также каждому заключенному возможность сообщить родственникам о своем заключении, встречаться с адвокатом и получать меди-

цинскую помощь. Заявитель мог воспользоваться вышеуказанными правами, и в его отношении было установлено медицинское наблюдение сразу после объявления им голодовки. Кроме того, жене заявителя было разрешено передать ему одежду и предметы личной гигиены.

Как утверждает государство-ответчик, заявитель не смог доказать, что условия его содержания под стражей каким-либо образом ущемляли его достоинство или вызвали у него чувство отчаяния и собственной неполноценности, что унижало его человеческое достоинство. Учитывая относительно небольшой срок содержания заявителя под стражей, государство-ответчик приходит к заключению, что общие последствия обжалуемых условий содержания под стражей не достигли той степени тяжести, при которой Европейский Суд обычно приравнивает деяние к нарушению статьи 3 Конвенции.

42. Кроме того, государство-ответчик настаивает на том, что во время голодовки заявитель находился под регулярным медицинским наблюдением. Оно утверждает, что, если заявитель ставит под сомнение подлинность представленных государством-ответчиком письменных доказательств, ему следует обратиться с соответствующей жалобой в прокуратуру.

2. Доводы заявителя

43. Со своей стороны заявитель убежден, что условия его содержания под стражей соответствовали бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и даже пытке, как это трактуется статьей 3 Конвенции. Более того, эти условия являлись нарушением не только Конвенции, но и национального законодательства в том, что касается, в частности, осуществления минимальных прав, гарантированных заключенным правилами внутреннего распорядка изоляторов временного содержания.

Заявитель еще раз утверждает, что в его отношении не было установлено медицинское наблюдение и что документ, представленный на этот счет государством-ответчиком, скорее всего, является фальшивкой. Заявитель предлагает государству-ответчику доказать свои утверждения относительно установления медицинского наблюдения, предоставив в распоряжение Европейского Суда копии медицинских отчетов, составленные во время якобы имевшего место наблюдения.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Общие принципы, вытекающие из прецедентной практики Европейского Суда

44. Статья 3 Конвенции закрепляет одну из основных ценностей, существующих в демократическом обществе. Так, она содержит абсолютный запрет в отношении применения пыток и жестокого и бесчеловечного обращения и наказания, причем вне зависимости от обстоятельств и действий потерпевшего. В этой связи, с точки зрения статьи 3 Конвенции, характер правонарушения, за которое был осужден заявитель, не имеет никакого отношения к рассмотрению его жалобы (см. среди прочих постановлений Большой Палаты Европейского Суда по делам: «В. против Соединенного Королевства» [*V. c. Royaume-Uni*], жалоба № 24888/94, § 69, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-IX; «Лабита против Италии» [*Labita c. Italie*], жалоба № 26772/95, § 119, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2000-IV; «Кудла против Польши» [*Kudła c. Pologne*], жалоба № 30210/96, § 90, Сборник постановлений и решений Ев-

- ропейского Суда по правам человека CEDH 2000-XI; и постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» [*Valašinas c. Lituanie*], № 44558/98, § 100, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-VIII).
45. Чтобы подпасть под действие статьи 3 Конвенции, обращение должно достичь минимальной степени тяжести (см. постановление по делу «МакГлинчи и другие заявители против Соединенного Королевства» [*McGlinchey et autres c. Royaume-Uni*], жалоба № 50390/00, § 45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2003-V). Оценка минимальной степени тяжести является относительной по определению и зависит от всех сведений, содержащихся в деле, как то: характер обращения и условия, в которых оно осуществлялось, в чем оно выражалось, его продолжительность, физические и психологические последствия, а также, в некоторых случаях, возраст, пол и состояние здоровья потерпевшего (см. среди прочих постановления Европейского Суда по делам: «Пирс против Греции» [*Peers c. Grèce*], жалоба № 28524/95, § 67, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-III; «Ассенов и другие заявители против Болгарии» [*Assenov et autres c. Bulagrie*] от 28 октября 1998 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VIII, стр. 3288, § 94; и указанное выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», § 91).
46. Отдельно перечисляя «пытки», «бесчеловечное» и «унижающее достоинство» обращение, статья 3 Конвенции подразумевает некоторую градацию запрещенных действий. Так, в своих постановлениях, Европейский Суд считал обращение «бесчеловечным» на том основании, что оно применялось умышленно, в течение нескольких часов и приводило либо к телесным повреждениям, либо причиняло сильные физические или душевные страдания. Суд полагал, что обращение является «бесчеловечным» в той мере насколько оно способно внушить потерпевшему чувство страха, ужаса и собственной неполноценности, которое унижает и оскорбляет человеческое достоинство (см. указанное выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», § 92). Определяя, является ли определенная форма обращения «бесчеловечной» с точки зрения статьи 3 Конвенции, Суд должен рассмотреть была ли она направлена на унижение лица и достигла ли последствия ее воздействия на личность лица предела, который можно считать нарушением статьи 3 (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Ранинен против Финляндии» [*Raninen c. Finlande*] от 16 декабря 1997 г., Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VIII, стр. 2821—2822, § 55). Тем не менее отсутствие подобной цели не должно окончательно исключать констатацию нарушения статьи 3 (см. постановление Европейского Суда по указанному выше делу «Пирс против Греции», § 74).
47. В любом случае, чтобы наказание или обращение, которым оно сопровождается, было «негуманным» и «бесчеловечным», причиненные им страдания и унижения должны превосходить страдания и унижения, которые обычно сопутствуют данной форме обращения или законного наказания (см. постановление Европейского Суда по делу «Калашников против России» [*Kalachnikov c. Russie*], жалоба № 47095/99, § 95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-VI).
48. В отношении лиц, подвергнутых лишению свободы, статья 3 Конвенции обязывает государства следить за тем, чтобы каждый заключенный содержался в условиях обеспечивающих уважение человеческого достоинства и чтобы условия исполнения наказания не подвергали его отчаянию или испытаниям такой силы, которая превосходила бы неизбежный уровень страданий, связанных с заключением. Кроме того, исходя из практических требований отбывания наказания, здоровье заключенного должно обеспечиваться должным образом, а именно путем оказания необходимой медицинской помощи (см. постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» [*Mouisel c. France*], жалоба № 67263/01, § 40, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-IX, а также постановление Европейского Суда по делу «Хуртадо против Швейцарии» [*Hurtado c. Suisse*] от 28 января 1994 г., серия «А», № 280-А, мнение Европейской комиссии по правам человека, стр. 15—16, § 79). Помимо здоровья заключенного, следует также должным образом обеспечивать его благополучие (см. постановление Европейского Суда по делу по делу «Фарбтухс против Латвии» [*Farbtuhs c. Lettonie*], жалоба № 4672/02, § 51, 2 декабря 2004 г.).
49. Оценивая условия содержания под стражей, следует принимать во внимание их совокупные последствия, а также особые доводы заявителя (см. постановление Европейского Суда по делу по делу «Дугос против Греции» [*Dougos c. Grèce*], жалоба № 40907/98, § 46, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2001-II).
50. В каждом отдельном случае утверждения о применении пыток и плохого обращения должны быть доказаны «вне всякого разумного сомнения». В этом смысле, под разумным сомнением понимается не сомнение, основанное на чисто теоретической возможности, или вызванное нежеланием приходить к неприятному заключению; речь идет о сомнении, которое вытекает из представленных фактов (см. доклад Европейской комиссии по правам человека от 5 ноября 1969 г. по «Греческому делу» [*L’Affaire grecque*], жалобы №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, Годовой обзор актов Европейской комиссии по правам человека 12, стр. 13, § 26). Доказательство плохого обращения может также явиться результатом целого ряда серьезных, точных и совпадающих прямых или косвенных неопровергнутых улик (см. постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» [*Irlande c. Royaume-Uni*] от 18 января 1978 г., серия «А», № 25, стр. 64—65, § 161 в заключительной части, а также указанное выше постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 121 и постановление Европейского Суда по делу «Дикме против Турции» [*Dikme c. Turquie*], жалоба № 20869/92, § 73, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2000-VIII). Следовательно, для определения того, имело ли на самом деле место предположительное обращение с человеком, Европейский Суд должен основываться на целом ряде доказательств, которые либо предоставляются в его распоряжение, либо добываются им официальным путем (см. например постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа против Соединенного Королевства» [*Vilvarajah c. Royaume-Uni*] от 18 октября 1991 г., серия «А», № 215, стр. 36, § 107).
2. Применение упомянутых выше принципов к настоящему делу
51. Европейский Суд сразу же отмечает, что некоторые факты, изложенные заявителем, оспариваются сторонами. Так, государство-ответчик оспаривает утверждение заявителя о наличии сырости в камере в период его содержания под стражей (см. выше, пункты 12 и 20 настоящего постановления). В отличие от заявителя, оно

утверждает, что последнему разрешалось пользоваться туалетом даже вне отведенного для этого времени (см. выше, пункты 13 и 21 настоящего постановления). Государство-ответчик утверждает также, что в отношении заявителя на самом деле было установлено медицинское наблюдение сразу после объявления им голодовки, но отрицает наличие самой голодовки (см. выше, пункт 17 настоящего постановления). И, наконец, в отличие от заявителя, государство-ответчик утверждает, что жена заявителя только один раз обращалась с просьбой о передаче ему одежды и предметов личной гигиены, и что никаких других заявлений от нее не поступало (см. выше, пункты 15 и 21 настоящего постановления).

Тем не менее, учитывая особые обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать достоверность вышеуказанных фактов и ограничиться анализом фактических обстоятельств, в отношении которых позиции сторон совпадают.

52. Европейский Суд отмечает, что площадь камеры, в которой содержался ответчик, составляла 6 квадратных метров. В этой связи следует упомянуть, что ЕКПП установил, что желательно, чтобы минимальная примерная площадь камеры из расчета на одного заключенного составляла 7 квадратных метров (см. выше, пункт 27 настоящего постановления и указанное выше постановление по делу «Калашников против России», § 97). Более того, стороны согласны с тем, что более половины этой площади, то есть примерно 3,5 квадратных метра, занимал спальный помост. Таким образом, оставшееся свободное пространство, где можно было передвигаться, занимало примерно 2,5 квадратных метра. При этом государство-ответчик признает, что в период пребывания заявителя, в камере находилось от четырех до пяти заключенных. Данные цифры указывают, что на каждого заключенного в камере заявителя приходилось от 1,2 до 1,5 квадратных метра площади или даже от 0,5 до 0,6 квадратных метра, если учитывать только свободное пространство. С точки зрения Суда, такая переполненность камеры сама по себе уже поднимает серьезную проблему с точки зрения требований статьи 3 Конвенции.

53. Затем Европейский Суд констатирует, что в камере не было естественного освещения, поэтому туда никогда не проникал дневной свет. Государство-ответчик косвенно признает, что электрическое освещение было включено и днем, и ночью. Более того, несмотря на большое количество людей, находившихся в камере, система вентиляции работала плохо и часто была отключена.

Из объяснений заявителя, которые не опровергаются государством-ответчиком, также следует, что во время содержания заявителя под стражей его не выводили на прогулки и что, не считая кратковременных выходов в туалет или умывальник, он постоянно оставался в перенаселенной камере, не имея возможности выйти наружу, чтобы подышать свежим воздухом и размяться.

54. Стороны также согласны с тем, что у заявителя не было ни отдельного топчана, ни кровати, и он был вынужден спать на деревянном помосте вместе с другими заключенными. На помосте не было спальных принадлежностей, поэтому заключенные спали, не снимая своей одежды, на голых досках. Как указывает государство-ответчик, площадь помоста составляла 2,1 на 1,7 квадратных метра, а это значит, что у каждого заключенного было очень мало места, поэтому заключенные спали, прижавшись друг к другу.

55. Европейский Суд считает, что обязательство органов государственной власти в отношении обеспечения здоровья

и общего благополучия заключенных включает в себя обязательство обеспечивать их нормальное питание (см. *mutatis mutandis*¹ постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие заявители против Молдавии и России» [*Ilaşcu et autres c. Moldova et Russie*], жалоба № 48787/99, § 451, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2004-VII). Однако в данном случае Суд отмечает, что во время своего содержания под стражей заявитель получал полноценное питание только раз в день и не получал ни завтрака, ни ужина. Государство-ответчик утверждает, что заключенным выдавалась, кроме того, порция хлеба на весь день, но Суд считает, что этого не достаточно для удовлетворения основных потребностей организма в течение 15 дней. Он отмечает в этой связи, что заключенным запрещалось передавать продукты питания.

И, наконец, Суд отмечает отсутствие питьевой и вообще водопроводной воды в камере заявителя. Таким образом, он имел доступ к питьевой воде только во время выходов в туалет или умывальник и это несмотря на то, что, как утверждает заявитель, он страдал от жары, которая царил в камере.

56. Подводя итог, Европейский Суд отмечает, что в течение всего времени своего содержания под стражей, заявитель находился в тесном, чрезвычайно перенаселенном и душном помещении без естественного освещения и часто без свежего воздуха, не имея возможности выходить оттуда, не считая кратковременных выходов в туалет и умывальник, не имея отдельной кровати и поэтому, будучи вынужденным спать, не снимая своей одежды, на голых досках вместе с другими заключенными. Кроме того, он плохо питался и, несомненно, страдал от жажды. Европейский Суд допускает, что ничто не указывает на умышленное унижение и принижение человеческого достоинства в отношении заявителя со стороны государственных органов, но при этом считает, что, по всей видимости, заключение заявителя в подобных условиях в течение 15 дней, несомненно, ущемляло его человеческое достоинство, внушая ему чувство унижения и собственной неполноценности. С точки зрения Суда этого вполне достаточно, чтобы сделать заключение, что обращение с заявителем являлось «бесчеловечным» в значении статьи 3 Конвенции.

Поэтому Европейский Суд приходит к выводу о наличии факта нарушения вышеуказанной статьи по настоящему делу.

III. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

57. В своей жалобе заявитель указывает, что в латвийском законодательстве отсутствует эффективное средство правовой защиты в компетентном государственном органе в отношении причиненного ему вреда с точки зрения статьи 3 Конвенции. При этом он ссылается на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в <...> Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

58. Государство-ответчик ссылается на свои доводы, изложенные в возражении по поводу неприемлемости жалобы (см. выше, пункты 32—34 настоящего постановления).

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

ния). С его точки зрения, заявитель мог воспользоваться целым набором эффективных средств правовой защиты в отношении условий своего содержания под стражей, но не сделал этого.

59. Европейский Суд напоминает о принципах, вытекающих из его утвердившейся прецедентной практики, в отношении трактовки статьи 13 Конвенции:

а) Статья 13 Конвенции гарантирует существование в национальном законодательстве способа обжалования, позволяющего ссылаться на права и свободы а том виде, в каком они в ней записаны. Из данного положения вытекает требование наличия внутригосударственного средства правовой защиты в органе государственной власти, уполномоченном рассматривать содержание жалобы, основанной на Конвенции, и соответствующим образом исправлять выявленное нарушение, даже если у Договаривающихся Государств имеется некоторая свобода усмотрения в отношении оценки способов выполнения обязательств, вытекающих из данной статьи (см., например, указанное выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», § 157).

б) Значение обязательства, вытекающего из статьи 13 Конвенции, зависит от характера нарушения Конвенции, на которое ссылается заявитель. При этом обжалование, о котором идет речь в статье 13 Конвенции, должно всегда быть «эффективным» как на практике, так и в теории (см. постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Илхан против Турции» [*İlhan c. Turquie*], жалоба № 22277/93, § 97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2000-VII) в том смысле, что действия или бездействие властей государства-ответчика не должны создавать неоправданных препятствий для его осуществления (см. в том числе указанные выше постановления Европейского Суда по делам «Аксой против Турции», стр. 2286, § 95 и «Геннадий Науменко против Украины», § 134).

с) «Эффективность» «средства правовой защиты» в трактовке статьи 13 Конвенции не зависит от благоприятного исхода для самого заявителя. Точно также, «государственный орган», о котором говорится в данной статье, не обязательно должен быть судебным учреждением, а если это так, то его полномочия и предоставляемые им гарантии должны учитываться при оценке эффективности средства правовой защиты. Кроме того, в некоторых случаях совокупность средств правовой защиты, предусмотренных законодательством страны, может соответствовать требованиям статьи 13 Конвенции, даже если ни одно из них взятое в отдельности не соответствует им полностью (см. постановление по делу «Шахал против Соединенного Королевства» [*Chahal c. Royaume-Uni*] от 15 ноября 1996 г, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-V, стр. 1869—1870, § 145).

д) Существует тесная связь между статьей 13 и пунктом 1 статьи 35 Конвенции. И в самом деле, правило в отношении исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в трактовке статьи 35 Конвенции основывается на предположении, что законодательство страны предоставляет эффективное средство правовой защиты с точки зрения статьи 13 Конвенции (см. указанное выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», § 152, а также решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мифсуд против Франции» [*Mifsud c. France*], жалоба № 57220/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-VIII). Иными словами, понятие «эффективность» средства правовой защиты трактуется одинаково в двух указанных выше статьях.

60. В настоящем деле государство-ответчик ссылается на законы о полиции и прокуратуре, на Закон «О рассмотрении заявлений, жалоб и предложений органами государственной власти и местного самоуправления», а также на правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания. Однако в отношении последнего документа никто не оспаривает тот факт, что он не был опубликован в газете государственных объявлений Латвии либо в другом официальном источнике и что данный документ не был ни показан, ни передан в распоряжение заявителя. Поэтому, вне зависимости от процессуальных возможностей, предоставляемых данным документом, они явно не соответствуют критерию доступности, который лежит в основе «эффективности» в трактовке статьи 13 Конвенции.

61. Затем Европейский Суд констатирует, что в латвийском законодательстве не существует четко сформулированного средства правовой защиты в отношении условий административного ареста. Как утверждает государство-ответчик, у заявителя была возможность обратиться с жалобой к начальнику управления полиции, где он находился в заключении. Однако Суд считает, что обращение с жалобой в административный орган, вынесший обжалуемое решение или допустивший обжалуемые действия, не является эффективным средством правовой защиты (см. *mutatis mutandis* решение Европейской комиссии по правам человека от 9 мая 1988 г. по делу «Грэнджер против Соединенного Королевства» [*Granger c. Royaume-Uni*], жалоба № 11932/86, Сборник актов Европейской комиссии по правам человека DR 56 стр. 199, а также решение Европейского Суда от 30 ноября 2004 г. по делу «Розейро Бенто против Португалии» [*Roseiro Bento c. Portugal*], жалоба № 29288/02.) Кроме того, государство-ответчик согласилось с утверждением заявителя о том, что начальник полицейского управления публично заявил, что знал об условиях содержания под стражей, существующих в его учреждении (см. выше, пункт 35 настоящего постановления).

В том, что касается ссылки государства-ответчика на Закон «О рассмотрении заявлений, жалоб и предложений органами государственной власти и местного самоуправления», Суд полагает, что данный закон регламентирует только переписку частного лица с органами государственной власти. В любом случае, Суд должен исходить из специальных законов о полиции и прокуратуре, определяя, была ли у заявителя возможность эффективного и адекватного обжалования.

62. Остается выяснить, была ли у заявителя возможность обратиться с жалобой в прокуратуру и мог ли он рассчитывать на ее эффективное и адекватное вмешательство с целью исправления заявленных нарушений. В этой связи Европейский Суд отмечает, что статья 15 Закона «О прокуратуре» действительно предоставляет прокурорам полномочия в отношении «надзора за исполнением наказаний, связанных с лишением свободы <...> и за местами заключения» и наделяет последних правом требовать немедленного освобождения лиц незаконно содержащихся в заключении (см. выше, пункт 29 настоящего постановления) Оставляя в стороне вопрос о том, распространяется ли это положение также на условия содержания под стражей, Суд отмечает, что государство-ответчик не привело ни одного конкретного примера его применения в ситуациях схожих с той, которую описывает заявитель. Поэтому оно не убедило Суд в наличии эффективного способа обжалования на основании вышеуказанного положения.

Суд также напоминает, что заявитель находился под стражей в течение 15 дней и что, в соответствии со стать-

ей 13 Конвенции, чтобы считаться эффективными, внутригосударственные средства правовой защиты должны предоставлять минимальные гарантии быстроты. Однако в данном случае, даже из относящихся к делу положений Закона «О прокуратуре» в сочетании с Законом «О рассмотрении заявлений, жалоб и предложений органами государственной власти и местного самоуправления» (см. часть 1 статьи 8 последнего) следует, что компетентному органу предоставляется 15 и даже 30 дней для ответа на заявление или жалобу, и что этот срок может быть увеличен. В этой связи Суд отмечает, что средство правовой защиты, которое не в состоянии дать результаты в нужное время, не является ни адекватным, ни эффективным (см. *mutatis mutandis* постановление Европейского Суда от 29 ноября 1991 г. по делу «Компания “Пайн Велли Девелопмент Лтд.” и другие заявители против Ирландии» [*Pain Valley Developments Ltd. et autres c. Irlande*], серия «А», № 222, стр. 25, § 47 и решение Европейского Суда от 8 февраля 2001 г. по делу «Подколзина против Латвии» [*Podkolzina c. Lettonie*], жалоба № 46726/99)

63. Учитывая сказанное выше, Европейский Суд считает, что нет необходимости рассматривать также вопрос о том, чинились ли заявителю во время его содержания под стражей физические препятствия в отношении написания жалоб и их отправки адресатам. Даже если предположить, что этого не было, Суд с полным основанием считает, что в распоряжении заявителя не было ни одного эффективного способа, который позволил бы ему обжаловать условия своего содержания под стражей.

Исходя из этого, Европейский Суд отклоняет предварительное возражение государства-ответчика и приходит к заключению о наличии факта нарушения статьи 13 Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

64. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. По вопросу о возмещении причиненного заявителю вреда

65. Заявитель требует выплатить ему сумму в размере 57 000 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда и распределяет данную сумму следующим образом:

а) 9500 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного нравственными страданиями в период 2000—2002 годов. По этому поводу заявитель поясняет, что, несмотря на то, что он отбыл наказание в виде 15 дней «административного ареста», он был также подвергнут уголовному преследованию по обвинению в оскорблении судьи. «Опасаясь мести со стороны репрессивных органов г. Лиенаи», он был вынужден уехать из этого города. В течение двух следующих лет он был безработным и, чтобы поддержать семью, его жена была вынуждена одолжить 7500 евро, а сам заявитель продал свою квартиру за 2000 евро, что в целом составляет сумму в 9500 евро;

б) 6000 евро в качестве компенсации морального вреда за нравственные страдания, перенесенные в течение этих двух лет;

с) 17 500 евро в качестве компенсации морального вреда за содержание под стражей в условиях, унижающих человеческое достоинство;

д) 6000 евро в качестве компенсации морального вреда в результате того, что заявитель подвергался преследованиям и не смог выставить свою кандидатуру во время муниципальных выборов 2001 года;

е) 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда за то, что в период его содержания под стражей сын заявителя был помещен в детское воспитательное учреждение и пять дней находился в контакте с ребенком, больным дифтерией, и где якобы испытал «эмоциональное насилие».

66. Государство-ответчик напоминает, что, исходя из статьи 41 Конвенции, требование справедливой компенсации распространяется только на ущерб, имеющий причинную связь с установленными нарушениями, в то время как большинство заявленных требований в отношении компенсации никак не связаны с утверждением о нарушении статей 3 и 13 Конвенции. В частности, у заявителя нет оснований требовать какой-либо денежной компенсации в отношении своего сына, поскольку члены семьи никогда не фигурировали в данном деле в качестве заявителей.

Как считает государство-ответчик, единственная сумма, которую заявитель может требовать в качестве компенсации за заявленные нарушения, составляет 17 500 евро, но ее с полным основанием можно считать завышенной. В этой связи государство-ответчик полагает, что само установление факта нарушения Конвенции уже может являться адекватным возмещением любого морального вреда, понесенного заявителем. Но если Европейский Суд все-таки примет иное решение, ему следует учесть размер сумм, которые он уже присуждал в качестве компенсации по подобным делам и не присуждать заявителю превышающую их сумму. И, наконец, государство-ответчик просит Суд присудить компенсацию в латах, то есть в национальной денежной единице Латвии.

67. Европейский Суд напоминает, что неперенным условием предоставления компенсации материального ущерба на основании статьи 41 Конвенции, является наличие причинной связи между заявленным ущербом и установленным нарушением (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» [*Nikolova c. Bulgarie*], жалоба № 31195/96, § 73, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 1999-II и постановление Европейского Суда от 8 февраля 2001 г. по делу «Подколзина против Латвии» [*Podkolzina c. Lettonie*], жалоба № 46726/99, § 49, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека CEDH 2002-II). Суд считает, что таким же образом следует подходить к компенсации морального вреда и что в данном случае большинство сумм, требуемых заявителем в качестве компенсации, не имеют причинной связи с нарушениями статей 3 и 13 Конвенции, которые были установлены Судом. В том, что касается морального вреда, понесенного заявителем в результате содержания под стражей в условиях, унижающих человеческое достоинство, Суд полагает, что он, несомненно, имел место, но считает, что размер требуемой компенсации является завышенным. Исходя из этого и разрешая спор, исходя из требований справедливости, как это записано в статье 41 Конвенции, а также учитывая все особые обстоятельства настоящего дела, Суд присуждает выплатить заявителю 7000 евро в виде компенсации морального вреда, а также всех сумм, которые могут быть удержаны в виде налогов.

В. Судебные расходы и издержки

68. Поскольку заявитель не выдвинул никаких требований в отношении возмещения судебных расходов и издержек, Европейский Суд считает, что нет оснований присуждать ему выплату какой-либо суммы по этому пункту.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

69. Европейский Суд считает целесообразным установить процентную ставку при просрочке платежей на уровне простой годовой кредитной ставки Европейского Центрального банка плюс три процента по займам, установленной Европейским Центральным Банком, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД:

отклонил предварительное возражение государства-ответчика;

постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

постановил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции

постановил,

а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу на основании пункта 2 статьи 44 Конвенции 7000 евро (семь тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, которые должны быть конвертированы в латвийские латы по курсу на день перечисления, а также всех сумм, которые могут быть удержаны в виде налогов;

б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по простой годовой кредитной ставке Европейского Центрального банка плюс три процента;

отклонил остальные требования заявителя в отношении справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 4 мая 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Европейского Суда.

**Винсен Берже,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Боштян М. Зупанчич,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»